

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ВРЕМЕНИ В РОМАНЕ АБДУЛЛЫ КАДЫРИ «МИНУВШИЕ ДНИ»: КОГНИТИВНО-МЕТАФОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Абдуллаева Парвина Толибжоновна

старший преподаватель кафедры Испанской и итальянской филологии
Самаркандского государственного института иностранных языков
ptolibjonovna@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена исследованию метафорических моделей времени в тексте первого узбекского романа «Минувшие дни» (O'tkan kunlar) Абдуллы Кадыри. На основе когнитивного подхода анализируются способы объективации темпоральных концептов. Выявлено, что время в произведении не является нейтральным фоном, а выступает активным физическим, пространственным, антропоморфным и психологическим конструктом, отражающим как социально-исторические катаклизмы эпохи, так и внутреннюю трагедию главных героев.

Ключевые слова: Абдулла Кадыри, «Минувшие дни», когнитивная лингвистика, метафора, концепт времени, хронотоп, антропоморфизм.

Annotatsiya. Maqola Abdulla Qodiriyning birinchi o'zbek romani "O'tkan kunlar" matnidagi vaqtning metaforik modellarini o'rganishga bag'ishlangan. Kognitiv yondashuv asosida temporal konseptlarni obyektivlashtirish usullari tahlil qilinadi. Asardagi vaqt neytral fon emasligi, balki davrning ijtimoiy-tarixiy kataklizmlarini, shuningdek, bosh qahramonlarning ichki fojiasini aks ettiruvchi faol jismoniy, antropomorf va psixologik konstrukt sifatida namoyon bo'lishi aniqlangan.

Kalit so'zlar: Abdulla Qodiriy, "O'tkan kunlar", kognitiv tilshunoslik, metafora, vaqt konsepti, xronotop, antropomorfizm, lingvomadaniyatshunoslik.

Проблема восприятия и языковой репрезентации времени является одной из ключевых в современной когнитивной лингвистике и литературоведении. Время, будучи абстрактной, неосязаемой философской категорией, в художественном тексте неизбежно подвергается материализации, пространственной локализации и метафорическому переосмыслению (12, 45). Особый интерес в этом контексте представляет творчество основоположника узбекской школы романистики Абдуллы Кадыри. Его эпохальный роман «Минувшие дни» (O'tkan kunlar), написанный в начале XX века, стал не только историческим полотном, описывающим Туркестан середины XIX века, но и глубоким психологическим произведением.

В данной статье предпринимается попытка когнитивно-семантического анализа темпоральных метафор в тексте романа. Как отмечает М.М. Бахтин, «время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым» (2, 234). Кадыри использует время как многомерный инструмент: от описания глобальных исторических сдвигов до микроанализа душевных терзаний Отабека, Кумуш и Юсуфбека-хаджи.

В когнитивной теории метафоры одной из базовых моделей является пространственная метафора (12, 56). Человек склонен осмыслять время через категории пространства, что ярко проявляется в тексте А. Кадыри, где время выступает как территория, имеющая границы, в которую можно войти или откуда

можно вернуться. В авторском предисловии звучит концептуальная фраза: «...yangi davriga oyoq qo'ymoqdamiz» («...мы вступаем в новую эпоху...»). Наступление нового исторического периода метафорически изображается как физическое перемещение субъекта (народа) в новое географическое пространство. Эпоха здесь-это твердая земля, континент, на который ступает нога. Глагол *oyoq qo'ymoq* (ступить ногами) подчеркивает не просто пассивное течение времени, а активное, осознанное пересечение исторической границы.

Схожая пространственная модель реализуется в другом фрагменте предисловия: «*Moziyg'a qaytib ish ko'rish xayrlik, deydilar.*» («*Говорят, возвращаться в прошлое и вершить дела-благо.*»). Прошлое (*moziy*-арабизм, придающий речи возвышенный, книжный оттенок) представляется как конкретное, реально существующее место позади идущего. Автор представляет себя как путешественника, который физически возвращается на пройденную территорию, чтобы собрать там необходимые артефакты (опыт, уроки) и принести их в настоящее (9, 112). Однако во второй части романа пространственные характеристики времени приобретают клаустрофобический, давящий характер: «*Vaqt tang kelgan edi...*» («*Время стало тесным / сузилось...*»). В момент смертельной схватки Отабека с Хамидом время метафорически сжимается. Лексема *tang* (тесный, узкий, критический) переносит физическое ощущение нехватки пространства для маневра на темпоральную ось. Время теряет свою бескрайность и превращается в узкий коридор, где решается вопрос жизни и смерти.

Более того, время способно погружаться во мрак: «...*kunlari quyosh botib chiqq'an sayin bir onglashilmovchiliqq'a, qorong'uliqq'a kira borib...*» («...его дни, с каждым заходом и восходом солнца, всё больше входили в непонимание, в темноту...»). Здесь «дни» (время) движутся как субъект, вступающий в физическое пространство тьмы и тупика. Это тонкая проекция внутреннего состояния Отабека, потерявшего жизненные ориентиры после мнимого предательства Кумуш (13, 89).

В узбекской языковой картине мира время часто наделяется свойствами физических объектов (14, 42). Кадыри доводит эту тенденцию до высочайшего художественного уровня, измеряя абстрактное время мерами объема и наделяя его эластичностью. Ярчайшим примером материализации является фраза из 5-й главы: «*Qish kunlari bir tutam, «ha, deguncha» kech bo'ladir.*» («*Зимние дни-всего лишь горсточка [щепотка], не успеешь сказать "ах", как наступает вечер.*»). Лексема *bir tutam* (от глагола *tutmoq*-держат, хватать) означает пучок, горсть, нечто крошечное, что легко помещается в сжатом кулаке. Писатель измеряет короткий световой зимний день мерой объема сыпучих или мелких предметов. Время здесь сжимается до размеров осязаемой, но исчезающе малой физической величины. В противоположность этому, ожидание заставляет время деформироваться и растягиваться: «*Bir necha soatlarga qarab cho'zilg'an bu tomoq majlisi...*» («*Это застолье, растянувшееся на несколько часов...*»). Глагол *cho'zilmoq* (растягиваться) применяется к эластичным материалам (тесту, нити, резине). Для Отабека, жаждущего встречи с Кумуш, застолье превращается в мучительное физическое натяжение времени. Психологическое восприятие темпоральности здесь полностью подавляет объективный ход часов (7, 65).

Специфической чертой идиостиля Кадыри является глубокая персонификация времени. Писатель конструирует анатомию времени, наделяя его телом, способностью к самостоятельному движению и даже проявлению воли. Уникальная соматическая (телесная) метафора встречается при описании смены сезонов: «*Kuz kunlarining oyog'i va qish kunlarining boshi edi.*» («*Это были ноги [конец] осенних дней и голова [начало] зимних дней.*»). Стык двух времен года описывается через анатомию живого существа. «Ноги» осени уходят, а «голова» зимы появляется (13, 201). Этот прием делает переход времени непрерывным, представляя годы и сезоны как гигантский живой организм, движущийся сквозь пространство.

В моменты наивысшего сюжетного напряжения время персонифицируется как путник: «*Vaqt juda sekin harakat qilar edi.*» («*Время двигалось [шагало] очень медленно.*»). Оно становится независимым агентом, который словно издевается над героем в засаде, намеренно замедляя свой ход. Особого внимания заслуживает метафора ночи: «*Bu kungi kech Otabek bilan Homidning hayot va mamot masalalarini o'zining qora quchog'ig'a olg'an qorong'i bir tun edi...*» («*Этот вечер был темной ночью, взявшей в свои черные объятия вопросы жизни и смерти Отабека и Хамида...*»). Ночь предстает здесь в виде хтонического, мрачного божества с «черными объятиями» (*qora quchoq*). Время поглощает судьбы героев, оно выступает не фоном для дуэли, а ее непосредственным участником, вершителем жизнью (11, 312).

В концептуальной картине мира романа абстрактные временные отрезки приобретают интенсивную цветовую окраску и физические свойства (токсичность, загрязненность), коррелирующие с атмосферой угнетения и трагедии. Дни сами по себе ахроматичны, однако историческая эпоха вбирает в себя социальные пороки. Автор характеризует эпоху междоусобиц как «*...tariximizning eng kir, qora kunlari...*» («*...самые грязные, черные дни нашей истории...*»). Время здесь запачкано (*kirlik*) предательством и кровью. Цветовой эпитет *qora* (черный) в узбекской лингвокультуре, как и в базовых культурных концептах других народов, обладает мощным негативным зарядом, символизируя траур, беду, зло (8, 54; 15, 154).

Будущее время, несущее угрозу, проецируется на метеорологические явления: «*Toshkand ustiga yana qonliq bulutlar chiqdi...*» («*Над Ташкентом вновь сгустились кровавые облака...*»). Грядущие дни осады визуализируются через цвет запекшейся крови. Время надвигается на город как фатальная природная стихия. В личной трагедии героев цвет времени сохраняется: Кутидор не знает, «*Bu qora kunlarni qandog' qilib o'tkazishni bilmas edi...*» («*как пережить [букв. провести] эти черные дни*»), а Кумуш в письме вспоминает «*...ikki yil ichida kechirgan qora kunlarni...*» («*черные дни, пережитые за эти два года*»).

Апогеем негативной материализации времени является метафора отравления: «*Umrining eng qiymatlik kunlarini og'ulag'an... o'z onasi emasmi?*» («*Не его ли собственная мать отравила самые ценные дни его жизни?..*»). Дни (*kunlar*) концептуализируются как сосуд с напитком или пища. Интриги матери Отабека (поддельное письмо, принуждение ко второму браку) физически делают время токсичным (*og'ulangan*-отравленным ядом). Жизнь теряет свою питательную ценность и начинает убивать героя изнутри (13, 127).

Наряду с бытовыми, пространственными и физиологическими метафорами, А. Кадыри обращается к макрокосмическим и суфийско-философским концептуализациям времени, характерным для классической восточной поэзии. Время обладает необратимостью и фатальной однонаправленностью: «...*umr-otilg'an o'q emish.*» («...жизнь, как говорят, -выпущенная стрела.»). Эта классическая фольклорная сентенция подчеркивает невозможность повернуть время вспять. Кутидор, помнящий Отабека еще ребенком, осознает скоротечность бытия через образ стремительно летящего снаряда (3, 88).

Беспощадность времени выражается через образ небесной сферы: «*Ikki yorni ajratuvchi bu falakning gardishi!*» («Это вращение небосвода [колеса судьбы/времени], разлучающее двух влюбленных!»). *Falakning gardishi* - древнейший восточный хронотопический концепт. Неумолимый ход времени отождествляется с безжалостным вращением огромного космического жернова, который перемалывает человеческие желания и разлучает любящие сердца (13, 210). В этом контексте человеческая жизнь приобретает статус высшей разменной монеты, однако в масштабах вечности она ничтожно мала. Зиё-шохици, говоря о сватовстве, заявляет: «*Bu ot savdosi emas, umr savdosi, birodar...*» («Это не торговля лошадьми, это торговля [сделка] жизнью, брат...»). Жизнь/отведенное время (*umr*) выступает здесь не как абстракция, а как предельный капитал, поставленный на кон.

С другой стороны, Юсуфбек хаджи, уставший от политических распрей и крови, формулирует свое отношение ко времени через призму мусульманского аскетизма: «...*tundan keyingi besh kunlik umrim dunyo mojarolaridan etak silkib...*» («...мою оставшуюся пятидневную жизнь отряхнуть от мирских конфликтов...»). «Пятидневная жизнь» (*besh kunlik umr*)-мощная количественная метафора мимолетности земного существования. Мудрый старец воспринимает остаток своего времени как крошечную меру, которую нужно успеть очистить от «грязи» эпохи (13, 95). Характерно также свойство времени вбирать в себя старение человека: «*Keksaygan kunlarimda dog'ini ko'rsatma...*» («В мои постаревшие дни не покажи мне горечи его утраты...»). Объективно дни стареть не могут, стареет сам Юсуфбека-хаджи. Однако происходит семантический перенос (эналлага): характеристика субъекта переносится на его временной континуум. Время становится эмпатичным, оно стареет вместе с человеком (13, 178).

Анализ метафорических репрезентаций времени в романе Абдуллы Кадыри «Минувшие дни» позволяет сделать вывод о том, что категория времени в произведении выходит далеко за рамки хронологического фона. Время у Кадыри - это сложный, многоуровневый когнитивный конструкт. В начале романа, при оценке исторических событий, время объективируется как широкое физическое пространство. В моменты любовных переживаний и ожиданий время материализуется, приобретая объем («горсточка дней») и эластичность. Однако по мере нарастания трагизма сюжета метафоры времени становятся всё более мрачными, телесными и враждебными. Время сжимается до узкого коридора, чернеет, отравляется ядом интриг и, подобно живому существу с «черными объятиями», поглощает главных героев.

Абдулла Кадыри мастерски синтезирует классические восточные суфийские концепты времени (вращение небосвода, выпущенная стрела, пятидневный мир)

с глубоко психологизированными, инновационными для узбекской прозы соматическими и пространственными метафорами. Это доказывает, что метафоры времени служили писателю важнейшим психологическим инструментом для раскрытия как социальной трагедии туркестанского общества, так и экзистенциальной драмы личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Аругюнова Н.Д. Язык и мир человека.-М., 1999.-896 с.
2. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики.-М., 1975.-С. 234-407.
3. Каримов Н. Абдулла Қодирий.-Тошкент: Шарқ, 2004.-256 с.
4. Кубрякова Е.С. Язык и знание.-М.: Языки славянской культуры, 2004.
5. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы.-М., 1979.-360 с.
6. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учебное пособие.-М., 2001.-208 с.
7. Норматов У. Қодирийнинг сўнги илтижоси.-Тошкент, 2000.-132 с.
8. Степанов Ю.С. Словарь русской культуры.-М, 2004.-992 с.
9. Топоров В.Н. Пространство и текст.-М.: Наука, 1983.-С. 227-284.
10. Чудинов А.П. Очерки по современной метафорологии.-Е., 2013.-176 с.
11. Қўшжонов М. Ўзбекнинг ўзлиги.-Тошкент: Маънавият, 2001.-352 с.
12. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By.-Chicago, 1980.-242 p.
13. Qodiriy A. O'tkan kunlar.-Toshkent: Sharq, 2004.-400 b.
14. Safarov Sh. Kognitiv tilshunoslik.-Jizzax: Sangzor, 2006.-91 b.
15. Wierzbicka A. Semantics, Culture, and Cognition.-New York:, 1992.-487 p.